А24 5/169

№ 5. Ц. 5 коп.

БИБЛІОТЕКА ВОЙНЫ.

Разсказы

нашихъ раненыхъ о послѣднихъ

сраженіяхъ съ нѣмцами.

Началась міровая война противъ нѣмецкихъ государствъ—Германіи и Австро-Венгріи—поднялись Россія, Франція, Англія, Бельгія, Японія, Сербія и Черногорія.

Неспокойно на Балканахъ.

Можно сказать, весь міръ стоитъ подъ ружьемъ. Тѣ государства, которыя пока не воюютъ, могутъ быть вовлечены въ войну.

Мы переживаемъ такія событія, какихъ міръ давно не видалъ,

Чтобы умѣть разбираться въ событіяхъ настоящаго момента, надо хорошо знать прошлое, вполнѣ опредѣленно выяснить себѣ взаимоотношенія различныхъ странъ и народовъ.

„Библіотека войны“, въ составъ которой войдутъ брошюры, обрисовавшаго прошлое и настоящее воюющихъ странъ и даетъ отвѣтъ на наиболѣе жгучіе вопросы настоящаго времени.

А 24 5/169

№ 5.

БИБЛОТЕКА ВОЙНЫ

РАЗСКАЗЫ НАШИХЪ РАНЕНЫХЪ О ПОСЛѢДНИХЪ СРАЖЕНІЯХЪ СЪ НѢМЦАМИ.

8515

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 333867
195 г.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Типографія К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ.
1914.

Сравнительная близость театра военныхъ дѣйствій отъ Москвы и другихъ крупныхъ центровъ, имѣющихъ госпитали, даетъ возможность перевозить раненыхъ съ полей сраженія, въ три-четыре дня.

Въ русско-турецкую и японскую войну санитарные поѣзда приходили въ Москву только черезъ мѣсяцъ. Теперь же раненые 7-го августа были въ Москвѣ уже одиннадцатаго.

Москва является однимъ изъ крупныхъ санитарныхъ центровъ. Соединенная съ театромъ войны цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, она какъ бы находится въ тылу дѣйствующей арміи.

Намъ, мирнымъ жителямъ, приходится теперь видѣть впервые то, что прежде видѣли только на войнѣ на перевязочныхъ пунктахъ, въ полевыхъ госпиталяхъ. Вмѣсто мытарствъ, по этимъ наскоро оборудованнымъ походнымъ госпиталямъ, наши раненые на четвертый-пятый день находятся уже въ настоящихъ больницахъ, въ тихой и мирной жизни.

Всѣмъ имъ, попавшимъ въ просторныя больничныя палаты, поля сраженій, свистъ пуль и грохотъ орудій, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ какіе-то четыре-пять дней, представляются невѣроятнымъ сномъ.

Какъ быстро летитъ время! Сегодня еще на войнѣ: выстрѣлы, крики, темныя ночи, проволочныя загражденія, волчьи ямы... А черезъ пять дней больничная койка. Все такое недавнее—уже стало воспоминаніями—живыми и лихорадочными. Трудно опомниться отъ этихъ невѣроятныхъ перемѣнъ. И хочется обо всемъ разсказать, что еще слишкомъ живо въ душѣ.

Всѣ, кому приходилось бесѣдовать съ нашими ра-

неными, свидѣтельствуютъ, что они очень охотно разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Теперь, когда еще война въ началѣ, когда нашей арміи мало приходится дѣйствовать сомкнутымъ строемъ и артиллеріей, прокладывая себѣ путь развѣдочными отрядами, — много случаевъ проявленія личной храбрости. Это начало войны очень богато интересными, захватывающими эпизодами. Однимъ изъ такихъ первыхъ подвиговъ храбрости намъ сталъ извѣстенъ подвигъ донского казака Кузьмы Крючкова, перваго, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ въ нынѣшнюю войну.

Вотъ что разсказываютъ прибывшіе въ Москву раненые, однополчане Кузьмы Крючкова.

Казачій полкъ, въ которомъ служилъ Крючковъ, былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдку. Въ каждомъ отрядѣ было по шесть-восемь человѣкъ. Крючковъ со своимъ отрядомъ благополучно перешелъ границу. Непріятеля нигдѣ не было видно. Мало-по-малу отрядъ углубился въ Пруссію. Въ небольшой рощѣ казаки заночевали.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ показался разъѣздъ прусской кавалеріи.

Казаки сначала насчитали всего десять нѣмецкихъ всадниковъ. Старшій съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ. Старшій отправилъ донесеніе, что казаки намѣрены заманить нѣмцевъ къ мѣсту расположенія русской пѣхотной части.

Выполнить это взялись четыре казака: Астаховъ, Крючковъ, Щегольковъ и Иваньковъ.

Когда прусскій отрядъ приблизился на разстояніе ружейнаго выстрѣла, казаки соскочили съ лошадей и открыли огонь.

Нѣмецкій офицеръ что-то скомандовалъ и прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Тогда казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непріятеля, среди котораго произошло замѣшательство. Послышались крики:

— Кашланы, кашланы!..

Такъ пруссаки называютъ русскихъ казаковъ.

Кузьма Крючковъ на своей рѣзвой лошади обогналъ товарищей и первый врѣзался въ непріятельскій отрядъ.

Подоспѣвшіе остальные казаки увидѣли Крючкова, окруженнаго пруссаками и размахивающаго своей шашкой. Люди и лошади—все смѣшалось въ общей свалкѣ. Одинъ изъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой свалкѣ къ Крючкову протискивался прусскій офицеръ съ обнаженной саблей. Казакъ выстрѣлилъ и офицеръ упалъ.

Крючковъ тѣмъ временемъ выхватилъ винтовку и хотѣлъ выстрѣлить въ прусскаго унтера, но тотъ успѣлъ ударить Крючкова саблей по рукѣ, разсѣкъ ему пальцы и казакъ выронилъ винтовку.

Но мгновенно, не смотря на полученную рану, Крючковъ ударилъ унтера шашкой по головѣ. Ударъ скользнулъ по каскѣ. Новымъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ унтеру шею. Оставшись безъ начальника, пруссаки растерялись и обратились въ бѣгство.

Но въ тоже время два пруссака съ пиками набросились на Крючкова, пытаясь выбить его изъ сѣдла, но Крючковъ ухватился за непріятельскія пики, рванулъ ихъ къ себѣ и сбросилъ обоихъ нѣмцевъ съ коней. Затѣмъ, вооружившись прусской пикой, Крючковъ опять бросился въ бой.

Прошло нѣсколько минутъ, и изъ 27 пруссаковъ сражавшихся съ четырьмя донскими казаками, остались на коняхъ только три, которые и обратились въ дикое бѣгство. Остальные были или убиты или ранены. Солдаты вслѣдъ бѣглецамъ послали еще нѣсколько пуль.

Во время схватки Крючковъ одинъ свалилъ одиннадцать нѣмцевъ и самъ получилъ шестнадцать ранъ. Онъ раненъ пулей, рука изрублена шашкой, остальныя поранения сдѣланы пиками.

Несмотря на это, Крючковъ до самаго конца боя оставался въ строю. Въ Московскій госпиталь ѣхать онъ отказался, заявивъ, что отъ прусскихъ ранъ быстро оправится и опять вернется въ строй, а для этого ему нужно быть ближе къ войнѣ *).

Общее впечатлѣніе раненыхъ таково, что теперешнюю войну съ Манчжуріей и сравнить нельзя!

— Теперь наши солдаты идутъ въ атаку бодро, съ пѣснями!

А солдатскія пѣсни во время наступленія производятъ на нѣмцевъ потрясающее впечатлѣніе.

Когда русскіе съ пѣснями стремительно обрушиваются на нѣмецкія траншеи, пруссаки, не принимая удара, прямо обращаются въ бѣгство.

*) Русск. Сл. 13 авг.

Всѣ раненые заявляютъ, что во время боя совершенно забываютъ объ опасностяхъ войны.

— Какъ-то и въ голову не приходитъ, что тебя могутъ ранить...

День на войнѣ обыкновенно проходитъ слѣдующимъ образомъ.

Часовъ въ шесть утра, когда наши солдаты пьютъ чай, нѣмцы начинаютъ артиллерійскую стрѣльбу.

Русскіе двигаются впередъ.

Артиллерійскій бой съ небольшими перерывами продолжается до самаго вечера.

Каждый день надъ полемъ сраженія летаютъ воздушныя птицы—аэропланы, русскіе и нѣмецкіе.

Появленіе каждаго непріятельскаго аэроплана вызываетъ у нашихъ солдатъ соревнованіе въ стрѣльбѣ.

— Какъ только покажется нѣмецкій аэропланъ надъ нами, такъ у насъ сейчасъ же такая трескотня начинается,—улыбаясь, говорятъ раненые.

Среди нашихъ солдатъ есть много уроженцевъ Прибалтійскаго края, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ.

На этой почвѣ возникаетъ много курьезовъ.

„Однажды русскіе окопы такъ сблизились съ нѣмецкими, что были слышны разговоры. Какъ-то вечеромъ съ нѣмецкой стороны послышалась команда:

— Отрядъ, налѣво!

Тотчасъ же одинъ изъ нашихъ солдатъ крикнулъ по-нѣмецки:

— Отрядъ, направо!

Изъ нѣмецкихъ траншей высунулось нѣсколько головъ недоумѣвающихъ нѣмцевъ.

Залпъ съ нашей стороны разъяснилъ имъ въ чемъ дѣло.

Въ другой разъ русскій развѣдочный отрядъ въ сумеркахъ услыхалъ впереди чьи-то голоса.

Находившійся въ русскомъ разъѣздѣ прибалтійскій нѣмецъ крикнулъ по-нѣмецки:

— Кто тамъ?

Отвѣтъ послышался по-нѣмецки же:

— Свои.

Наши развѣдчики вернулись въ лагерь и сообщили, что впереди открытъ непріятель" *).

Интересны разсказы нашихъ казаковъ и отношеніе къ нимъ нѣмцевъ.

Казаковъ нѣмцы прямо-таки не выносятъ и называютъ *длинноволосой кавалеріей.*

Завидѣвъ нашихъ казаковъ, быстро несущихся съ гиканьемъ, нѣмецкіе кавалеристы обращаются въ бѣгство, нагоняя страхъ на мирныхъ жителей.

Такъ, въ Инстербургѣ наши казаки въ одномъ изъ домовъ наткнулись на семью, которая въ страхѣ бросилась цѣловать ноги у казаковъ, прося пощадить ихъ жизнь.

Въ Сталупеневѣ взятый въ плѣнъ нѣмецъ разспрашивалъ нашихъ солдатъ, правда ли, что начальникъ казаковъ вырѣзалъ сердце у пастора и везъ его на пикѣ **).

По этимъ разсказамъ можно судить, какіе невѣроятныя небылицы распускаютъ нѣмцы о нашемъ казачьемъ войскѣ.

*) Р. С.—13 авг.

**) Газета-Коп.—16 авг.

Къ нѣмецкимъ солдатамъ русскіе относятся презрительно:

— Какіе это солдаты!

По ихъ словамъ, нѣмцы чрезвычайно трусливы, стрѣляютъ въ большинствѣ очень плохо, въ атаку, несмотря на побужденія своихъ начальниковъ, не идутъ.

Обычно нѣмцы пользуются всякаго рода военными хитростями и ловушками. Дороги во многихъ мѣстахъ они перерѣзаютъ глубокими канавами, разставляютъ проволочныя загражденія.

Всѣ, даже самыя мелкія деревушки, которыя приходилось проѣзжать нашимъ войскамъ, изъ-за этой проволоки проходились медленно, съ великими затрудненіями. Проволокою были преграждены всѣ улицы.

Обыкновенно, когда наши передовые отряды приближаются къ нѣмецкимъ деревушкамъ, изо всѣхъ домовъ начинается ружейная стрѣльба. Оказывается, что это стрѣляютъ жители, желая запугать наши отряды предположеніемъ, что въ деревнѣ стоятъ значительныя силы непріятеля.

Вотъ одинъ разсказъ офицера, ярко рисующій ту обстановку, въ которой живутъ тамъ, на войнѣ.

*) — Послали меня со взводомъ на развѣдку дороги, по которой намъ предстояло итти. Было со мной въ разъѣздѣ человѣкъ тридцать. Вышли мы изъ занятаго нами нѣмецкаго городка часовъ въ 8 веч. Начинало темнѣть. Погода стояла хорошая, какая была тамъ почти все время. По пути встрѣ-

*) Утро Р.—17 авг.

тилъ я еще взводъ подъ начальствомъ корнета, который шелъ устроить засаду, куда мы могли бы заманить противника, если бы встрѣтили его на пути. Пошли вмѣстѣ. Проходя городъ, встрѣтили одного пѣхотнаго командира батареи, предупредившаго насъ, что впереди стоитъ наше охраненіе, и дѣйствительно, пройдя версты три, натолкнулись на пѣхотную заставу. Начальникъ ея разсказалъ намъ, гдѣ расположенъ фронтъ охраненія и другія подробности, и условился съ нами, что если появится непріятель, съ которымъ мы сами не сладимъ, то зажжемъ стогъ сѣна, или факелы, какіе наши солдаты умѣютъ устраивать, привязавъ солому къ остріямъ своихъ пикъ. Если же мы будемъ стрѣлять, то это будетъ означать, что мы находимся въ безвыходномъ положеніи, и необходимо спѣшить намъ на выручку.

Верстахъ въ пяти отъ этой заставы подошли мы къ нѣмецкому фольварку, какіе здѣсь разсыпаны на каждомъ шагу. Остановились, и я вызвалъ охотниковъ:

Кто желаетъ итти со мной осмотрѣть деревню, нѣтъ-ли тамъ непріятельской заставы?

Откликнулось трое, изъ которыхъ я выбралъ одного, и мы пошли съ нимъ въ деревню. Надо сказать, что впереди себя мы отправили головной дозоръ въ составѣ семи солдатъ, и дозоръ этотъ, очевидно, уже прошелъ эту деревню, но это не доказывало, что нѣмцевъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ они завели такую тактику: дозорные отряды пропускать, а нападать потомъ на главный отрядъ.

Въ фольваркѣ тишина. Пусто. Ни огонька. Ни лая собаки.

Дойдя до конца, я уже повернулъ назадъ и собирался дать свистокъ своему отряду, какъ мы уже условились, если путь будетъ свободенъ. Вдругъ за спиной у меня раздался револьверный выстрѣлъ. Кто-то, очевидно, офицеръ, цѣлился мнѣ въ затылокъ... Мы пустились полевымъ галопомъ, и я не переставалъ подавать свистки .. Тогда изъ темноты съ обѣихъ сторонъ на насъ посыпались ружейные выстрѣлы, подъ огнемъ которыхъ намъ пришлось подвигаться къ своимъ. Но ночью нѣмцы стрѣляли плохо, и я помню пріятное ощущеніе отъ сознанія, что пули пролетаютъ мимо, что ни ты самъ, никто изъ твоихъ людей не ранены. Солдатъ, бывшій со мной, какъ только началась стрѣльба, сейчасъ подвинулся съ той стороны, съ которой раздавались выстрѣлы, и старался заслонить меня собою. За это онъ былъ награжденъ потомъ Георгіемъ.

Уйти совсѣмъ отъ этой деревни мы не хотѣли, потому, что здѣсь мы собирались оставить бывшую съ нами засаду. И потому, когда я вернулся къ своимъ, мы отошли и остановились нѣсколько поодаль, близъ мельницы. Предъ нами лежала дорога, справа отъ которой разстилалось болото... Мы раздѣлились: корнетъ со своимъ отрядомъ пошелъ съ одной стороны, я съ другой, и направились обратно въ деревню. Обыскали ее всю и никого не нашли. Противникъ, видимо, отступилъ. Но гдѣ онъ, въ какомъ числѣ, пѣшій или конный, неизвѣстно.. Только солдаты наши слышали по сторонамъ свистки, подражанія кукушкѣ и другіе сигналы.

Приходилось обслѣдовать всѣ сосѣдніе фольварки,

„вылизать“ мѣстность, какъ говорится у насъ... Направились къ одному изъ нихъ. Только подходимъ,— залпъ... Потомъ второй. Направились въ противоположную сторону. Тамъ опять насъ встрѣчаютъ залпами, но уже болѣе частыми. Стрѣляютъ изъ темноты. Непріятеля не видно, но ясно, что натолкнулись на непріятельскую линію... Рѣшили обслѣдованіе мѣстности отложить до разсвѣта.

Тѣмъ временемъ мысль напряженно возвращалась къ семи дозорнымъ, ушедшимъ впередъ Надо было во что бы то ни стало выручить ихъ, дать имъ знать, что они окружены непріятелемъ, вернуть ихъ. Опять вызвалъ желающихъ: кто хочетъ итти въ догонку своимъ товарищамъ, чтобы спасти ихъ?— Я!.. я!.. я!.. раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ хотѣли, весь взводъ. Пришлось самому назначить трехъ человѣкъ, которые скоро и скрылись въ темнотѣ, по дорогѣ.

Намъ же тѣмъ временемъ надо было дать знакъ охраненію, что предъ нами непріятель, численно превосходящій насъ, и сдѣлать это скорѣе, такъ какъ мы слышали, что въ дозорныхъ уже начали стрѣлять. Но какъ подать сигналъ, когда подъ рукою нѣтъ соломы. И вотъ, вмѣсто стога сѣна, какъ было условлено, мы рѣшили поджечь деревню. Сдѣлать это было не трудно, такъ какъ въ Германіи имѣются особенныя спички вымазанныя составомъ, горящимъ даже при самомъ сильномъ вѣтрѣ. „Василій Ѳедоровичъ“ позаботился въ обиліи разбросать эти спички на нашемъ пути, чтобы мы жгли его деревни... Подъ выстрѣлами шесть человѣкъ подо-

шли къ деревнѣ и зажгли ее. Фольваркъ запылалъ, и мы видѣли, какъ въ сосѣднюю деревушку перебѣгали спѣшившіеся нѣмецкіе уланы.

Насъ не замѣтили. И мы оставались съ безпокойствомъ ждать нашихъ дозорныхъ и тѣхъ, которые отправились, чтобы вернуть ихъ назадъ. И черезъ минутъ пять предъ нами развернулась картина:

Черезъ деревню, объятую пламенемъ, по шоссе, сквозь огонь летѣлъ на насъ нашъ отрядъ въ десять человѣкъ, а съ обѣихъ сторонъ на нихъ сыпались нѣмецкія пули... Мы вздрогнули: одинъ изъ солдатъ свалился съ лошади, которая продолжала нестись съ остальными. Убитъ онъ? Раненъ?.. Все равно: у насъ, русскихъ, установился въ эту войну обычай не оставлять въ рукахъ врага не только своихъ раненыхъ, но и убитыхъ. Мы сами хоронили ихъ, если успѣвали, съ отпѣваніемъ, если нѣтъ, такъ просто въ братской могилѣ, вырытой руками товарищей. И мы рѣшили вынести упавшаго.

Корнетъ со своимъ отрядомъ ушелъ въ сторону, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, а я спѣшилъ своихъ людей, сколько можно было взять съ собой, и мы поползли вдоль шоссе, по канавѣ. Солдата, который былъ, къ счастью, только раненъ, мы спасли, и онъ получилъ теперь Георгія.

Ночью уже все равно ничего больше нельзя было предпринять, и мы рѣшили отложить дальнѣйшую развѣдку до утра. Съ разсвѣтомъ корнетъ со своимъ взводомъ остался въ засадѣ, которую намъ все-таки удалось устроить, а я пошелъ впередъ и скоро на-

толкнулся на 2 эскадрона улановъ. Тогда я употребилъ такой маневръ: съ отрядомъ я отошелъ въ сторону, а двухъ охотниковъ послалъ скакать во весь галопъ въ сторону, чтобы создать у непріятеля подозрѣніе, что они скачутъ куда-то съ донесеніемъ, и, слѣдовательно, онъ захотѣлъ бы во что бы то ни стало перехватить ихъ. Скакать они должны были по направленію къ засадѣ, но, не останавливаясь, подать ей знакъ и скакать дальше.

Маневръ удался. Отдѣлился полу-эскадронъ, который погнался за нашими, и нарвался на засаду. Эта погоня стоила ему 11 человѣкъ, убитыхъ нашими.

Ироническое отношеніе къ нѣмцамъ и къ ихъ „Василію Федоровичу“ уже установилось у нашихъ солдатъ. Взятыхъ въ плѣнъ они разсматриваютъ съ любопытствомъ и страшными не находятъ.

Одинъ раненый офицеръ вспоминаетъ, какъ въ самомъ разгарѣ битвы мимо него проходитъ солдатъ-кирасиръ. Рука у него на перевязи,—боевой перевязи: привязана бинтомъ къ шашкѣ,—очевидно, сломана. Воротъ растегнутъ. Шапка кокардой на бокъ. Въ здоровой рукѣ расщепленный прикладъ винтовки. По лицу струится потъ:

— Ну, ваше благородіе,—рапортуетъ онъ,—нѣмецъ никуда не годится!

— А что?

— Да какъ же! Я ихъ нѣсколько человѣкъ вотъ этимъ прикладомъ раздѣлалъ, а они со мной сладить не могли!

Въ Вильну привозятъ унтеръ-офицера кирасира.

Правая рука у него отрублена вмѣстѣ съ плечомъ. Лѣвая нога изуродована. Сначала онъ стонетъ, но потомъ, когда ему дѣлаютъ перевязку, вдругъ начинаетъ смѣяться.

— Чего ты смѣешься?—спрашиваютъ его.

— Оттого, что мнѣ вотъ перевязываютъ. Скоро здоровъ буду. Опять пойду...

— Куда? Зачѣмъ?

— Съ нѣмцемъ драться... Я ему покажу!

И онъ угрожающее потрясаетъ оставшейся лѣвой рукой.

И разсказчикъ торопится предупредить, что это все не единичные случаи, что и среди его солдатъ и въ другихъ частяхъ такихъ смѣльчаковъ много, что не перескажешь всего объ ихъ отвагѣ и подвигахъ... (Утро Р.).

Большинство нашихъ солдатъ получили раны въ ноги. Очень много раненыхъ въ лѣвую руку. Солдаты, находящіеся въ стрѣлковой цѣпи перебѣгаютъ отъ прикрытія къ прикрытію. А непріятель, сидящій въ окопахъ, посылаетъ пули понизу, которыя и ранятъ перебѣгающихъ въ ноги.

Обиліе ранъ въ лѣвую руку объясняется тѣмъ, что при стрѣльбѣ лѣвая рука всегда выдается впередъ.

Всѣ раненые настроены очень бодро, и всѣ они, не колеблясь, рѣшили по выздоровленіи вернуться въ строй.

Докторъ одного изъ московскихъ госпиталей разсказываетъ, что одинъ солдатикъ, раненый нѣмецкой

пулей, прямо негодуетъ на то, что его доставили въ Москву. Онъ былъ раненъ въ руку и самъ сдѣлалъ себѣ перевязку. Послѣ этого три дня участвовалъ въ бояхъ. На четвертый день пошелъ на перевязочный пунктъ.

— И вдругъ меня воротили назадъ въ Рассею. Съ какой стати? Какой я раненый?

И онъ требуетъ, чтобы его, какъ здороваго, выписали и отправили опять на службу.

Спокойствіемъ вѣетъ ото всѣхъ раненыхъ.

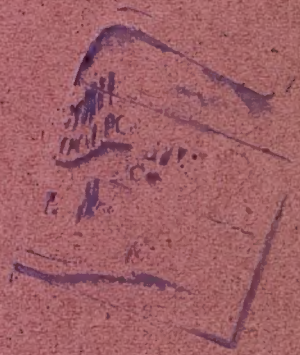
Всѣ, кому приходится имѣть съ ними дѣло, говорятъ объ этомъ.

Раненые страдаютъ молча. Они какъ будто стыдятся своихъ стоновъ. Даже тяжело раненые, когда ихъ перевозятъ съ желѣзной дороги въ больницу, стиснувъ зубы отъ невѣроятныхъ мученій, стыдятся показаться слабыми, проронить стонъ.

И уже на больничной койкѣ, томясь въ жару и бреду, изнемогая подъ тяжестью кошмаровъ, они стонутъ въ своемъ безпокойномъ снѣ. Просыпаясь въ бреду, позабывъ гдѣ они теперь, взволнованно спрашиваютъ:

— Гдѣ моя винтовка?

Такъ страдаетъ нашъ солдатъ въ дни тяжелыхъ испытаній!



БИБЛІОТЕКА ВОЙНЫ.

1. П. Критскій. Изъ-за чего началась война.
2. С. Карповъ. Эльзасъ-Лотарингія.
3. П. Критскій. Когда и за что мы воевали съ нѣмцами.
4. Н. Новинскій. Ледовое побоище. Сраженіе съ нѣмцами въ 1242 г.
5. Разсказы нашихъ раненыхъ о послѣднихъ сраженіяхъ съ нѣмцами.

6—7. А. З. Современные варвары.

8—9. М. Богдановичъ. Червонная Русь (Австрійскія Украины).

10—11. А. З. Трагедія Габсбургскаго дома.

12. Пѣсни Балканскихъ славянъ. Сербія.

ЦѢНА КАЖДАГО № 5 коп.

ВОЙНА 1914 ГОДА.

(Лѣтопись событій до 26 іюля) ВЫПУСКЪ I-й.

Съ требованіями обращаться: Москва, Б. Козихинскій пер., д. 31, кв. 2. Книжный складъ К. Ф. НЕКРАСОВА. Тел. 3. 38-45.